

УДК 94(47).066

С. И. Маловичко

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОШЛОГО В ОЧЕРКОВОЙ ПРАКТИКЕ ИСТОРИОПИСАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II И И. П. ЕЛАГИНА¹

В предметном поле источниковедения историографии изучается в вопрос о конструировании национального прошлого в очерковой практике историописания, которую осуществили императрица Екатерина II («Записки касательно российской истории») и известный екатерининский вельможа и масон И. П. Елагин («Опыт повествования о России»).

Автор статьи впервые актуализирует проблему классификации историографических источников второй половины XVIII в., в частности, такого их вида как очерк. Его подвидами, по мнению автора, следует считать «записки» и «опыт». Решая исследовательскую задачу, автор выявил основные черты, свойственные таким формам историописания, как «записки» и «опыт» в западноевропейской и российской историографии. Дана характеристика «Записок касательно российской истории», которые по мнению автора имеют видовые черты большой национальной истории и учебной книги по национальной истории. Однако присутствующее в самоназвании слово «записки» и рефлексия автора о цели историописания позволяют отнести его к виду очерков.

Из девяти частей «Опыта повествования о России» в 1803 г. была издана только первая часть. С остальными частями автор этой статьи ознакомился в рукописи, хранящейся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Есть основание считать, что Елагин использовал форму «опыта» для испытания своей оригинальной модели русской истории.

Учитывая формат научной статьи, автор проанализировал один сюжет (киевское событие 1068 г.) из произведений Екатерины II и И. П. Елагина (по рукописи РНБ). Для более корректного проведения анализа были использованы древнерусские летописи (изданные в XVIII в.) и привлечены тексты российских историков XVIII в. В. Н. Татищева и М. М. Щербатова. В результате проведенного анализа были выявлены черты социально ориентированного типа историописания, отличающегося от научного и черты присущие очерковой форме исторической наррации.

Ключевые слова: источниковедение историографии, очерковая форма наррации, опыт, записки, социально ориентированное историописание, Екатерина II, И. П. Елагин.

S. Malovichko

DESIGNING THE NATIONAL PAST IN THE ESSAYISTIC PRACTICE OF THE HISTORY WRITING OF CATHERINE THE GREAT AND I. P. ELAGIN

Within the subject field of source study of historiography the author studies the question of constructing the national past in the essayistic practice of historiography, which was carried out by Empress Catherine the Great (Notes on Russian History) and the famous Catherine nobleman and mason Ivan Elagin (Essay of the narration about Russia). The study actualizes the problem of classifying historiographical sources of the second half of the 18th century, in particular of their kind as an essay ("ocherk" – in rus., Abriß/"Umriß" – in germ.). According to the author, his notes should be considered "notes" and "essay" investigative task, the author points to the main features inherent in such forms of historiography as "notes" and "essay" in West European and Russian historiography. The characteristics of "Notes on Russian history" are given, which, according to the author, have specific features of a big national history and educational book on national history, however, the word "notes" present in the self-name and the author's reflection on the purpose of historical writing allow him to be classified as essays.

From nine parts of "Essay of the narration about Russia" in 1803 only the first part was published. The author got acquainted with other parts in the manuscript which is stored in the Department of manuscripts of National Library of Russia (St. Petersburg). There is basis to consider that I. Elagin used a form of "essay" for test of the original model of the Russian history.

Considering a format of the scientific article, the author analyzed one plot (the Kiev event of 1068) from Catherine the Great and I. Elagin's works (according to the manuscript). For more correct carrying out the analysis the Old Russian chronicles (published in the 18th century) were used and texts of the Russian historians of the 18th century Vasilii Tatishchev and Mickail Shcherbatov are attracted. As a result of the analysis, features of a socially oriented type of historical writing that differing from scientific and lines inherent in a historical narration in the form of the essay were revealed.

Key words: source study of historiography, narration in the form of an ocherk/abriß (essay), essay, notes, socially oriented historical writing, Catherine the Great, I. P. Elagin.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.).

В XVIII веке в России, как и во всей Европе начинает формироваться современная структура исторического знания, которая будет трансформироваться в исторических культурах XIX и XXI вв. В это время в российской историографии появился широкий спектр произведений по национальной истории, написанных историками, писателями, чиновниками, учителями, священниками, близкими к трону аристократами, императрицей и т.д. Современные исследователи, изучающие историографию, следуют по давно намеченному пути расширения и уточнения социокультурных факторов историописания, выявления и структурирования тематической специфики исторических произведений. Чаще всего историография изучается посредством канонических фигур, писавших о национальной истории авторов или с точки зрения их вклада в формирующийся национальный исторический мастер-нарратив. Например, Н. Л. Рубинштейн в «Русской историографии» (следует учитывать, что это учебное пособие), писал, что в историографии XVIII в. нужно выделять, в первую очередь, В. Н. Татищеву, Г. Ф. Миллера и М. М. Щербатова. У остальных «попытки исторического повествования переходят в чисто литературные упражнения. Их авторы – журналисты <...>, любители <...>, но не ученые, и их труды лишены научного значения» [21, с. 92].

В структуре исторического знания России в XVIII веке появляются общие для Европы формы организации исторических нарративов, в которых авторы презентировали те или вопросы национальной истории: *большие (полные) национальные истории, учебные книги по национальной истории, научные статьи, [исторические] описания, материалы историографических дискуссий, а также опыты, начертания, [исторические] записки*. В указанных формах исторических нарративов историописатели презентировали как научный, так и социально ориентированный типы исторического знания. Классическая европейская модель исторической науки еще только начинала складываться (ее расцвет придется на XIX столетие). Но уже с середины XVIII в., по замечанию П. Бёрка, кризис европейского исторического сознания, начавшийся с конца XVII в., закончился и научное историческое сознание начинает задавать новые правила осуществления исторических исследований [27, р. 265, 275]. Вместе с профессионализацией исторического знания, начиная с XVIII в., историография с одной стороны начала борьбу с социально мотивированным «ложным» истолкованием прошлого, с другой стороны, она стала (и это вполне объективный процесс) отрываться от общественного исторического сознания.

Каждый продукт человеческого интеллекта структурирован своей целью. Поэтому произведения авторов исторических произведений функциональны, они несут в себе обозначение своей функции в системе исторического знания, т.к. цели, ставившиеся историописателями при написании больших (полных) национальных историй, исторических очерков, учебных книг по истории и т.д., не могли быть одинаковыми.

В данной статье я ставлю задачу проанализировать в контексте европейской исторической культуры XVIII в. очерковую практику в произведениях, которые были презентированы авторами как «записки» и «опыт»: «Записки касательно российской истории» Екатерины II (1729–1796); «Опыт повествования о России» И. П. Елагина (1725–1794). Для решения задачи я последовательно 1) укажу основные черты, свойственные таким разновидностям очерка, как *записки* и *опыт*, 2) дам характеристику произведений Екатерины II и И. П. Елагина, 3) проведу анализ одного из сюжетов их исторических нарративов для выявления черт, свойственных очерку, как виду историографических источников.

В моем исследовании базовыми являются *историографические источники*, но для анализа практик историописания указанных авторов, я привлекаю исторические источники – летописи, изданные во второй половине XVIII в. (о которых они знали или могли ими пользоваться).

В российской культуре во второй половине XVIII в. стали появляться произведения, которые в своем названии имели слово «записки». Среди исторических произведений – это в первую очередь, упомянутое выше – издание Екатерины II «Записки касательно российской истории» в шести частях, предназначенные автором для молодого читателя [4]. С одной стороны, «Записки» Екатерины II имеют признаки большой (полной) национальной истории и учебной книги по национальной истории (книги для чтения), но, с другой стороны, присутствующее в названии слово «записки» делает это историческое произведение близким по своей форме к опытам (очеркам). Эту близость демонстрируют некоторые черты, вообще присущие запискам / заметкам.

Авторы записок / заметок не всегда, но рефлексируют выбранную форму презентации материала для читателя. Немецкий автор А. Ф. фон Нольде в своих «Notizen» сообщил о наличии определенной неполноты при раскрытии сюжетов, фрагментарности изложения материала [31, с. XVI]. Философ и будущий президент США Т. Джефферсон в «Notes on the State of Virginia» предупредил читателя об особой композиции рассматриваемых сюжетов, их несовершенстве из-за недостатка информации [30, р. 3 (нумер.)]. В интеллектуальном пространстве Российской империи близкую рефлексию о своих «Записках» для читателя дал украинский историописатель Я. М. Маркович, заключивший: «Невозможно, кажется, и требовать, чтобы сей первый опыт трудов моих был без всяких погрешностей и недостатков» [13, с. 5–8 (нумер.)]. Таким образом, исторические записки обладают соответствующими форме ограниченностью источниковой базы, композиционной дробностью (из записок), декларируемой незавершенностью проведенного исследования, изложением от первого лица. Указанные черты присущи очерковой форме историописания, которая станет наиболее распространенной в XIX в.

Как уже приходилось писать [12, с. 343–344], происхождение «опыта» как вида наррации в европейской культуре следует связать с «Опытами» (“Les Essais”, 1580) М. де Монтеня и «Опытами, или Наставлениями нравственными и политическими» (“Essays, or Counsels Civil and Moral”, 1597) Ф. Бэкона. В первых «опытах» появились черты, которые станут маркирующими для авторов, пожелавших позиционировать свое знание в подобном виде произведения и узнаваемые читателем: наличие своей (авторской) субъективности – собственного «испытания» выбранных вопросов [17, кн. 2, с. 7], а также краткость, популярность и недостаточность нарративной отделки [2, т. 2, с. 352]. Такие черты будут присущи эссеистике. В XIX в. В. И. Даль в «Толковом словаре», дал «опыту» очень емкое определение: «Опытном многие писатели называли сочинения свои, не признавая их полными, оконченными» [3, т. II, с. 711].

Переводчики «Опытов» Бэкона на русский язык, как само собой разумеющееся, в качестве синонима «опытам» предложили слово «очерки» [2, с. 352]. В принципе, это уже превратилось в один из топов российских письменной культуры. Мы с М. Ф. Румянцевой считаем, что «опыт» можно рассматривать как разновидность такого вида историописания, как «очерк» [12, с. 344].

В XVIII в. вид наррации под названием «опыт» становится и одним из видов историописания. В частности, формой («Essay») для организации исторического материала воспользовался Ф.-М. А. Вольтер при написании «Опыта по всеобщей истории и о нравах и духе народов от времен Карла Великого и до наших дней» [32]. Выбор мыслителем такого вида историописания был совершенно не случайным, он старался представить собственное *испытание*, сформулировав заново ее мировой характер истории.

Мысли, обращенные к читателю, о форме, выбранной наррации, можно найти в «Опыте» (нем. «Versuch») немецкого автора И. Г. Дрюмеля. Исследователь указывал, что по разбираемому вопросу постарался противопоставить истину заблуждениям [28, с. 5 (ненумер.)]. В британской историко-политической литературе одним из известнейших трудов, выполненным в этом виде наррации («Essay») стал «Опыт истории гражданского общества» [29] шотландского просветителя А. Фергюсона.

Авторы XVIII в. объясняли выбор такой формы организации исторического материала рядом причин. П. И. Рычков отмечал, что это первая попытка связно расположить материал о выбранном для исследования объекте (Казанская земля), который «не имеет еще обстоятельной своей истории» [23, с. 5–11 (ненумер.)]. Н. И. Новиков также отметил эту черту: «трудно в первый раз издавать такого рода сочинения» и перечислил некоторые связанные с этой трудностью «погрешности». В итоге, для разбирающегося в формах наррации читателя, автор заключил: «сие то принудило меня в главиши сея книги написать Опыт исторического словаря о российских писателях» [18,

с. 10–11 (ненумер.)]. Авторы опытов указывали и на ограниченность своих возможностей при сборе материала: «предлагаю, сколько можно было собрать» [24, с. V].

Предпринявший первую попытку (для начала 60-х гг. XVIII в.) рассмотрения истории России новейшего времени (а по сути – истории Смутного времени) Г. Ф. Миллер – прекрасно понимал, что такая история еще и (мягко говоря) не совсем подходящая для приучаемого, в первую очередь стараниями М. В. Ломоносова, к триумфальному прошлому сознания россиян. В журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» (январь, февраль, март 1761 г.) он начал публикацию «Опыта новейшей истории о России». Читателю академического журнала, историк объяснил, что, взявшись «описать новейшую Историю о России <...>, охотно признаюсь, что *сие не такое время, которое великолепно представляется мыслям нашим, или которого память достойно бы было выхвалить потомству* [выделено мной – С.М.]» [15, с. 158]. Г. Ф. Миллер заключил свое объяснение читателю важной для выбранной формы историописания (опыт) фразой: «Теперь я должен ожидать, какую *апробацию* [выделено мной – С.М.] иметь будут мои труды...» [15, с. 163]. «Апробацию» пришлось ждать не долго, вмешательство М. В. Ломоносова остановило дальнейшую публикацию «Опыта» Г. Ф. Миллера.

Самым важным признаком, отличающим социально ориентированное историописание от научного, является целеполагание. Социально ориентированная история – это строительство идентичности. Например, М. В. Ломоносов ставил целью «соблюсти похвальных дел должную славу» [8, с. 3–4], поэтому, воспоминание или забвение тех или иных страниц прошлого у него подчинялось формуле «не предосудительно ли славе российского народа будет» [9, с. 41]. Научная практика историописания требовала иного, – стремления к истине. Так, Г. Ф. Миллер отмечал: «Должность истории писателя требует, чтоб подлиннику своему в приведении всех <...> приключений верно последовать. Истина того, что в историях главнейшее есть, тем не затмевается, и здравое рассуждение у читателя вольности не отнимает» [14, с. 121]. Научную цель перед исследованием ставил и М. М. Щербатов, когда отмечал, что он старается не вступать «ни в какие неподлинны системы» и стремится к «безпристрастному повествованию» [26, т. 1, с. IV].

Екатерина II перед своим трудом поставила сугубо практические цели. Исследование она посвятила подрастающему поколению, которому следовало читать «правильные» истории, написав: «Сии записки касательно Российской Истории сочинены для юношества в такое время, когда выходят на чужестранных языках книги под именем Истории Российской, кои скорее именовать можно сотворениями пристрастными...». При этом, в качестве основной функции истории она указала на ее дидактическое значение – «она

учит добро творить и от дурного остерегаться» [4, ч. 1, с. 1, 1].

Работа с источниками (документальная фаза исторического исследования) у Екатерины II не обязательно предшествовала объяснению того или иного сюжета (что будет заметно по приведенному ниже примеру) Екатерина II не указывала источники, использовавшиеся при написании произведения. Если для Г. Ф. Миллера и М. М. Щербатова «буква» исторического источника (чаще всего) имела приоритет над общей схемой объяснения, то для императрицы, наоборот, смысл заключался в нарративизации своей объяснительной схемы. В ее модели историописания объяснение превалировало над сообщениями исторических источников.

На мой взгляд, работу Екатерины II и И. П. Елагина как историописателей можно рассмотреть на примере конструирования ими события 1068 г. в Киеве (это не самый лучший пример, но наиболее компактный для данного формата статьи). Для анализа практики историописания я привлекаю сообщения летописей об указанном событии (которые пользовались и/или могли пользоваться авторами) и их интерпретацию другими исследователями XVIII в.

В изданной в 1767 г. Никоновской летописи сообщается о том, что в 1068 г. после поражения от половцев братья Ярославичи вернулись домой, «Изяславу же со Всеволодомъ прибегшу к Киеву, а Святославу к Чернигову, и сотвориша вече на торговище, і рѣша людї Киевстїи ко князю: «се Половцы разсыпались по земли всагонехъ; дай намъ, Княже, оружие и кони, еще биемся сними» [22, ч. 1, с. 157]. В изданной в том же 1767 г. Радзивилловской летописи (издана под названием Кенигсбергской) сообщается об этом событии немного иначе: «людїе Кїевстїи прибѣгоша къ Кїеву, и створиша вече на торговищѣ» и.д. [7, с. 118]. В обоих случаях древнерусские книжники указали, что киевляне собрались на вече, которое народ устроил в торговой части города.

Если обратиться к микроструктуре произведения императрицы, состоящего из «записок», то нужный нам сюжет помещен в «записку» №29. «Великий князь Изяслав I. Во святом крещении Дмитрий». Екатерина II поведала этот сюжет иначе. Коалицию князей разгромили половцы. «Киевские же войски прибегли в растройстве в Киев, — писала она, — начали роптать и, согласясь между собою, послали к великому князю сказать тако: «Ныне половцы разсеялись по земле и делают разорение, просим, чтоб нам даны были оружие и кони, которые естли получим, можем оборониться» [4, с. 209–210].

Можно сразу заметить, что в приведенных словах Екатерины II отсутствует упоминание о вече, но, кроме того, в отличие от слов летописца, у неё действуют не «людїе кїевстїи», а «войски». Кто это такие? Так как императрица выборочно пользовалась «Историей» В. Н. Татищева, необходимо посмотреть, как там описывается это событие: «Киевляне же прибегши в Киев учинили

обшеченародный совет на торговище, и согласясь, послали ко князьям и объявить тако...» (то есть, у него близко к тексту Радзивилловской летописи). У В. Н. Татищева есть упоминание о народе: «начали народ роптать», — но слово «войски», у Татищева мы не найдем [25, кн. 2, с. 120].

Маловероятно, что под этим словом Екатерина подразумевала дружины Изяслава и Всеволода, т.к. вслед за В. Н. Татищевым императрица назвала дружину «вельможами». В. Н. Татищев отличал «народ» киевский от «вельмож». Последние делали всё возможное, чтобы спасти ситуацию в Киеве в пользу своего князя Изяслава [25, кн. 2, с. 120–121]. У него мы обнаруживаем «вельмож» там, где в летописи значатся «дружинники», например, в Никоновской летописи читаем: «... и дружине стоящи у князя» [22, ч. 1, с. 158]. Екатерина II, следуя за историком, также указала, на князя, «стоящего с вельможи» [4, с. 158]. Значит «вельможи» у императрицы, как и у В. Н. Татищева, это дружинники. Однако ситуацию с «войски» это полностью не объясняет.

В «Истории Российской» кн. М. М. Щербатова можно найти указание на то, что киевское событие 1068 г. начали именно «войска». Историк интерпретировал летописное «людїе Кїевстїи прибѣгоша къ Кїеву», вполне логично — что это была часть киевлян, т.к. весть город не мог ходить в поход на половцев. Он писал, что после поражения пришедшие «же войска [выделено мной — С.М.] в Киев учинили собрание между собой» [26, с. 12], т.е. — не указал, как летописец, что «кияне» — (весь город) собрались на совет (вече).

Однако не следует думать, что, создавая образ этого события, Екатерина II полагалась только на тексты В. Н. Татищева и М. М. Щербатова. Нет, ведь далее у кн. Щербатова написано: «...Тогда народ [здесь и далее выделено мной — С.М.] возлагая всю вину на воеводу Косняча... пошел с яростию на двор его, но нешедши его в доме, половина народу на двор Княжеский устремилась» и призвали на княжение освобожденного из темницы Всеслава [26, с. 12–13]. В приведенных историком словах уже нет слова «войска», теперь действует «народ», также как в летописях.

Екатерина II поместила щербатовские «войска», как в начало, так и в ход дальнейших событий. Она давала понять, что «войски», а не «народ» были недовольны поражением, «безпорядочным предводительством» и в этом обвиняли княжеского воеводу Коснячко. Более того, именно этот мотив императрица усиливает в том месте, когда, по её словам, «войски», а не народ оказались рядом со злополучным «порубом», где содержался полоцкий князь. Недовольные «стали у двора, где содержался в заточении князь Всеслав Полоцкий <...> и начаша некоторые поговаривать и посоветовать, чтоб содержащегося князя Всеслава освободить и, его яко искуснаго в воинстве начальника, противу неприятелей [половцев] отправить» [4, с. 210]. Значит, приведённым императрицей «войскам» нужен был полководец.

Остаётся только одна версия: загадочные «войски» — это незначительная часть горожан, они не

собирались изгонять своего князя и на его место ставить другого. Им нужен был не князь, а «храбрый воин» – полководец. Такими «войсками», как и в тексте М. М. Щербатова, могло быть только народное ополчение – *вои*. Екатерина II отошла и от татищевского, и от щербатовского текста, так как в первом – нарисована картина всеобщего выступления горожан, а во втором – указано, что начало событиям было положено воями, а затем к ним присоединился весь город. Императрица не привела и татищевских эпитетов, данных той категории киевлян, которые хотели избавиться от Изяслава (В. Н. Татищев их назвал «подлыми», и «возмутителями» [24, с. 120]). Екатерине II незачем было так называть горожан, так как, по её гипотезе, никто Изяслава изгонять не собирался, он ушёл из Киева «поверя слабым» – части своих неразумных «вельмож» (дружинников) [4, с. 211]. Если В. Н. Татищев писал, что Изяслав «побежал из Киева» [25, с. 121], а кн. Щербатов отметил, что тот «изгнан из Киева» [26, с. 14], то Екатерина II не допуская по отношению к верховной власти позорящих ее выражений, пояснила, что Изяслав «вышел из Киева <...> поехал в Польшу» [4, с. 211].

Екатерина II не признала никакого веча в Киеве, так как всё замешательство произошло по причине недовольства воев своим поражением и поисками храброго полководца, а таким был польский князь. Выбранная императрицей модель «разумного прошлого» в «Записках» заняла высшее место в иерархии правил оформления письма истории. Именно она являлась тем фактором, который способствовал выбору направленности описания российских социальных-политических практик. Целью Екатерины было не желание приблизиться к истине, чего можно было достичь посредством соблюдения правил, вырабатываемых зарождающейся классической европейской моделью историографии, а «реализация» своей идеи в прошлом, трансляция посредством формы «записок» этой идеи российскому читателю для формирования в его сознании «правильного» отношения к прошлому и существующей (разумной) власти. Считаю важным, отметить еще тот факт, что четвертая часть произведения императрицы имеет другое самоназвание – «*Опыт*» (выделено мной – С. М.). Знаменитые происшествия второй эпохи российской истории от 862 года по 1224» [4].

Екатерининский вельможа и известный мажон И. П. Елагин выбрал для конструирования российской истории как-раз-таки форму *опыта*. Первоначально, он, как и Г. Ф. Миллер (своим «Опытом новейшей истории») намеревался продолжить «Историю» В. Н. Татищева (Елагин знал его опубликованный вариант «Истории» в 4 кн. до 1462 г.), и с 1788 г. начал писать «Опыт повествования о государях российских, о их царствованиях, от великого князя Иоанна Васильевича третьего всея России самодержца», доведя повествование до 1564 г. [см.: 20] Но затем, решил создать новую историческую нарратацию – опять

в форме опыта, однако уже с древнейших времен (первоначальное название: «Опыт любопытно и политического повествования о России [см.: 20, 1]) до Ивана III. Таким образом, к своей кончине в 1794 г. он написал 9 частей «Опыта», а посмертно в 1803 была издана (его другом А. И. Мусиным-Пушкиным) лишь первая часть под авторским названием «Опыт повествования о России». В 1819 г. некоторые сановники (в том числе министр духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицын) выступили с инициативой продолжить издание «Опыта» И. П. Елагина, но – по сути – отрицательный отзыв Н. М. Карамзина (к этому времени издавшему первые 8 томов своей «Истории государства российского») не позволил этот план реализовать [15, с. 104–109].

В начале своего «Опыта» в коротком «Приношении премудрости» («божественной Софии»), И. П. Елагин заметил, что если читающими будет замечено его усердие в писании, то значит можно «занять пользою праздно их время» [5, с. 4 (нумер.)]. А в пространным «Преуведомлении читателю», автор пояснил, что ранее историки, восхваляя государей составляли «жития героев наших» и ввели их «во храм незабвенной памяти». Но его история отличается от других, тем, что в ней можно не найти геройские описания государей («славные описания Государей») и небрежное описание народа («народа небрежением»). Нельзя, по его мнению, изображать одними красками Владимира Первого и Ивана Грозного, нельзя одинаково осуждать «мятежного Хованского» и «поборствующего по новгородской вольности Борецкого» [5, с. VII]. В конце «Преуведомления» он уже в извинительной форме снова актуализирует эту мысль: «да не сочтут меня не привыкшие к такому роду сочинений язвителем бывших государей, которых по закоренелому может быть страху и предубеждению, великими Отцами отечества почитаются, а повествования справедливость инако их описует» [5, с. LVI]. Елагин решил *испытать* новую модель истории строительства России, вот почему, выбрал форму исторической нарратации в форме опыта.

И. П. Елагин, в отличие от императрицы, указал основные источники, которыми пользовался при конструировании киевского события 1068 г.: «летопись Нестора» (Радзивилловская летопись) и Никоновская летопись (строгих правил он не придерживался поэтому, к указанным летописям добавил – «и прочие»). Описание события 1068 г. историописатель начал с изложения поражения коалиции князей во главе с Изяславом от половцев в битве при Альте, привел свои причины поражения, после чего написал: «Прибегшие с великим князем киевляне учинили немедленно общенародное на торговой площади собрание, и согласились храбро против победителей обороняться, послали от всего народа объявить великому князю, просить оружие и коней, но Изяслав «робостью духа пораженный, прашению народному отказал» [20, 1, с. 63–64]. Как можно заметить, И. П. Елагин следовал сообщению Радзи-

виловской летописи, незначительно ее дополняя и корректируя, например: вместо «людие Киевстии» он написал «киевляне».

Как М. М. Щербатов и императрица, И. П. Елагин не стал указывать слово «вече», а употребил иное – [«общенародное»] «собрание» [20, 1, с. 64]. Солидаризируясь с В. Н. Татищевым, он оказался ближе к сообщениям летописей, т.к. показал, что весь народ с самого начала принял участие в событии. Кроме того, он оказался единственным среди приведенных историописателей, кто постарался по-своему интерпретировать фразу летописца «начаша прѣтися» (спорить) [22, с. 158]. И. П. Елагин от себя пояснил, чем укоряли своего князя киевляне: «небрежением долга государского, в незначительном Отечества защищении» [20, 1, с. 65]. Тем самым историописатель, не только прибавил своё видение к сообщению летописца, но – и это самое важное – посчитал, что народ имел право нерадивому князю такое сказать.

Употребив слово «вельможи» («увидя великого князя на снях, вельможами окруженного» [20, 1, с. 65]), И. П. Елагин не желая того проговорился, что конструируемое им событие 1068 г. сверял не только с летописями (на которые дал указание на полях рукописи), но и с «Историей» В. Н. Татищева или «Записками» Екатерины II. Риторика, присутствующая в тексте И. П. Елагина, однозначно демонстрирует восприятие историописателем незаконности учиненного «чернью» изгнания великого князя с престола. Он писал: «Яростен в начале волнования своего народ и всегда ищет кровью погасить <...> воспаленные чувства» или «народ <...> предался злоумышлению» и т.д. [20, 1, с. 64–65]. В отличие от больших национальных историй В. Н. Татищева и М. М. Щербатова текст И. П. Елагина в большей степени изобилует риторикой и выдуманными речами. Например, вернувшиеся в Киев после поражения от половцев горожане, кричали: «Мы хотим стать против супостатов; и бог поможет нам» или не найдя воеводу, «возопил народ “убьем злодея”» [20, 1, с. 64].

В «Опыте» И. П. Елагина присутствуют и иные существенные отличия в объяснении киевского события 1068 г. Никто из предшествующих историописателей не связывал причину бегства Изяслава из Киева с его княжеским «нерадением». И. П. Елагин, объясняя изгнание и бегство князя постарался объединить фактор неумелого руководства с советом близкого к князю окружения и написал: «Так робость, нерадение и дурные Изяславу от ласкателей советы, став причиною народного смятения, лишили его <...> престола» [20, 1, с. 66]. Автор «Опыта» не стал выбирать корректную форму употребляемого выражения по отношению к власти (как Екатерина II) при описании бегства Изяслава из Киева, а наоборот постарался унижить, заслужившего того князя, написав, что «он к срамному побегу приклонился» [20, 1, с. 66].

Итак, идея, которая легла в основу созданных «Записок», Екатерина II хотела продемонстрировать легитимный характер власти, выражающийся в согласии между властью и обществом. Для

апробирования такой идеи императрица выбрала соответствующую очерковую форму наррации – *записки*. Екатерину II-ю в последующем обвиняли в невнимании к простому народу [19, ч. 2, с. 262; 1, с. 161], в том, что она подготовила «фундаментальное научное сочинение», но «полностью уйти от современности Екатерине-историку не удалось» [10, с. 22]. Кроме того, что эти замечания, не совсем соответствуют сконструированной Екатериной II социально-политическим практикам средневековой Руси, они еще и являются замечаниям к ней как к *историку*. Однако Екатерина II была «*другим*» историком. Не надо искать в ее работе «настоящей истории», это другая социально ориентированная история.

И. П. Елагин же свою модель истории России решил *испытать* в конце XVIII в., когда уже приближалось время появления новой националистической формы национальной истории – национально-государственного нарратива, призванного формировать национально-государственную идентичность в европейских странах. Через два года после получения звания историографа, в 1805 г. – автор первого российского национально-государственного нарратива Н. М. Карамзин, в журнальной статье о некоторых «неприемлемых» положениях изданной части «Опыта» И. П. Елагина, уже критиковал автора за отход от «принятой праотцами, утвержденной столетиями» истины [6, с. 114–115].

Учитывая, что в неопубликованной части «Опыта» И. П. Елагина присутствовали еще и масонские пацифистские рассуждения, заставлявшие сомневаться в повсеместном военном триумфе российского государства, содержалась защита автором новгородцев от обвинений их историками в измене (за нежелание входить в состав Московского государства) [20, 5, с. 67, 227], нетрудно представить, что эти конструкции могли внести противоречия в формирующийся российский исторический мастер-нарратив с содержащимся в нем набором (уже в целом) непротиворечивых героев и антигероев.

Конечно, дискурсивное поведение обоих историописателей Екатерины II и И. П. Елагина (особенно первой), с точки зрения *историка* не совсем рационально (они приносили в описание конструируемых событий свое видение), но таким оно является, когда историк смотрит с позиций идеологии сциентизма, резко отрицательно относящейся к «ненаучной» форме мышления, смотрит сквозь призму «своей» научной истории [11, с. 13–26]. Не надо забывать, что оба автора позиционировали свой социально ориентированный тип исторического знания в особой *очерковой форме* исторической наррации, с присущей ей дробностью, незавершенностью, не обязательным указанием источников информации, испытанием своего мнения. Понимание сложной структуры исторического знания, состоящей из разных форм наррации видов историографических источников, дает возможность для проведения корректного историографического анализа.

Источники и литература

1. Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М.: Наука, 1985. 272 с.
2. Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1977–1978.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. [2-е изд.]. СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882.
4. [Екатерина II] Записки касательно российской истории: в 6 ч. СПб.: Имп. тип., 1787–1794.
5. Елагин И. [П]. Опыт повествования о России, начатое на 65-м году от его рождения, лета от Р.Х. 1790. Кн. 1. М.: Универ. тип., 1803. 532 с.
6. [Карамзин Н. М.] Э. Смелая догадка // Вестник Европы. 1805. Ч.21. №10. С. 112–124.
7. Летопись Несторова с продолжением по Кенигсбергскому списку до 1206 года. СПб.: При Имп. Акад. наук., 1767. 400 с.
8. Ломоносов М. [В.] Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1766. 146 с.
9. Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765 гг. / гл. ред. С. И. Вавилов и др.; АН СССР. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1952. 692 с.
10. Лосиевский И. [Я.] С пером и скипетром // Екатерина II. Российская история. Записки великой императрицы. М.: Эксмо, 2008. 800 с.
11. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. «Историописатель второго плана» в истории // Слава и забвение: парадоксы биографии: сб. науч. статей / отв. ред. Л. П. Репина. СПб.: Алетейя, 2014. С.13–26.
12. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. Монография и очерк: опыт сравнительного источниковедческого анализа историографических источников // Профессия – историк (к юбилею Л. П. Репиной) / отв. ред. О. В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 337–354.
13. Маркович Я. [М.] Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. Ч. 1. СПб.: При Губ. правлении, 1798. 117 с.
14. Миллер Г.-Ф. Описание Сибирского царства и всех произшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1750. Кн. 1. 507 с.
15. Миллер Г. Ф. Опыт новейшей истории России // Миллер Г. Ф. Избранные труды; сост., ст., примеч. С. С. Илизаров. М.: Московские учебники и картолитография, Янус-К, 2007. С. 158–209.
16. Моисеева Г. Н. «Опыт повествования о России» И. П. Елагина в оценке Н. М. Карамзина // XVIII век. Л., 1989. Вып. 16. С. 104–109.
17. Монтень М. Опыты: в 3 кн. / пер. с фр. А. С. Бобович. М.; Л.: АН СССР, 1954–1960.
18. Новиков Н. [И.]. Опыт исторического словаря о российских писателях. Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий, и словесных преданий. СПб.: Тип. Н. Новикова, 1772. 276.
19. Пештич С. Л. Русская историография XVIII в. в 3 ч. Л.: ЛГУ, 1961–1971.
20. Отдел рукописей. Российская национальная библиотека (ОРРНБ). Ф. IV-34/1-6.
21. Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М.: ОГИЗ, 1941. 647 с.
22. Русская летопись по Никонову списку изданная смотрением Императорской Академии Наук: в 8 ч. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1767–1792.
23. Рычков П. [И.] Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1767. 247 с.
24. [Соколкин С. П.] Опыт исторического словаря всех в истинной православной греко-российской вере святою непорочною жизнью прославившихся святых мужах. М.: Тип. И. Лопухина, 1784. 276 с.
25. Татищев В. [Н.] История Российская с самых древнейших времен: в 4 кн. М.: Имп. Моск. ун-ет, 1768–1784.
26. Щербатов М. [М.] История российская с древнейших времен.: в VII т. [15 кн.]. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1770–1791.
27. Burke P. History, Myth, and Fiction: Doubts and Debates // The Oxford History of Historical Writing 2012: in 5 vols. Vol.3: 1400–1800 / eds by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 261–281.
28. Drümel J. H. Versuch einer critisch-historischen Ausführung, wie die Russen von den Araratensern, als dem ersten Volcke nach der Sündfluth herkommen. Nürnberg, 1744. 32 s.
29. Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. Edinburgh: Printed for A. Millar & T. Caddel, MDCCLXVII [1767]. 445 p.
30. Jefferson T. Notes on the State of Virginia. London: Burlington-House, Piccadilly, 1787. 395 p.
31. Nolde A.F., von. Notizen zur Kultur – Geschichte der Geburtshülfe im dem Herzogthum Braunschweig. Erfurt: Henningeschen, 1807. 383 s.
32. Voltaire F.-M.A. Essay sur l'histoire générale, et sur les moeurs et l'esprit des Nations, depuis Charlemagne jusqu'à nos jours: 8 vol. Genève: Cramer, 1761–1763.

References

1. Alpatov M. A. Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa (XVIII – pervaya polovina XIX v.) (*The Russian historical thought and Western Europe (XVIII – the first half of the 19th century)*). Moscow: Nauka, 1985. 272 p. (In Russian).
2. Bekon F. Opyty, ili nastavleniya npravstvennyye i politicheskie (*Essays, or manuals moral and political*) // Bekon F. Sochineniya: in 2 Vols. Moscow: Mysl' publ., 1977–1978.
3. Dal' V. I. Tolkovoy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka (*Explanatory dictionary of living great Russian language*): in 4 Vols. St. Petersburg; Moscow: M. O. Vol'f's publishing house, 1880–1882. (In Russian)

4. [Ekaterina the Great] Zapiski kasatel'no rossijskoj istorii (*Notes on Russian History*): in 6 Vols. St. Petersburg: Imperial printing house, 1787–1794. (In Russian)
5. Elagin I. [P]. Opyt povestvovaniya o Rossii (*Essay of the narration about Russia*). Vol. 1. Moscow: University printing house, 1803. 532 p. (In Russian)
6. [Karamzin N. M.] Θ. Smelaya dogadka (*Courageous guess*) // Vestnik Evropy. 1805. Vol. 21. No. 10. P. 112–124. (In Russian)
7. Letopis' Nestorova s prodolzheniem po Kenigsbergskomu spisku do 1206 goda (*Nestorov's chronicle with continuation according to the Konigsberg list till 1206*). St. Petersburg: Imperial Academy of Science publ., 1767. 400 p. (In Russian)
8. Lomonosov M. [V.] Drevnyaya rossijskaya istoriya ot nachala rossijskogo naroda do konchiny velikogo knyazya Yaroslava Pervogo ili do 1054 goda (*Ancient Russian history from the beginning of the Russian people before death of the grand duke Yaroslav the First or till 1054*). St. Petersburg: Imperial Academy of Science publ., 1766. 146 p. (In Russian)
9. Lomonosov M. V. Poln. sobr. Soch (*Complete works*): in 11 Vols. Vol. 6. Trudy po russkoj istorii, obshchestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii, 1747–1765 gg. (*Works on the Russian history, socioeconomic questions and geography, 1747–1765*). Moscow; Leningrad: SA of USSR publ., 1952. 692 p. (In Russian)
10. Losievskij I. [Ya.] S perom i skipetrom (*With a feather and a scepter*) // Ekaterina II. Rossijskaya istoriya. Zapiski velikoj imperatricy. Moscow: Eksmo, 2008. 800 p. (In Russian)
11. Malovichko S. I., Rummyanceva M. F. «Istoriopisatel' vtorogo plana» v istorii (*"Historical writer of the second plan" in history*) // Slava i zabvenie: paradoksy biografiki: sb. nauch. statej. St. Petersburg: Aletejya publ., 2014. P. 13–26. (In Russian)
12. Malovichko S. I., Rummyanceva M. F. Monografiya i ocherk: opyt sravnitel'nogo istochnikovedcheskogo analiza istoriograficheskikh istochnikov (*Monograph and essay: experience of the comparative source study analysis of historiographic sources*) // Professiya – istorik. Moscow: Akvilon publ., 2017. P. 337–354. (In Russian)
13. Markovich Ya. [M.] Zapiski o Malorossii, ee zhitelyah i proizvedeniyah (*Notes about Malorossiya, its inhabitants and works*). Vol. 1. St. Petersburg: Provincial Government publ., 1798. 117 p. (In Russian)
14. Miller G.-F. Opisaniye Sibirskogo carstva i vsekh proizshedshih v nem del ot nachala, a osoblyvo ot pokoreniya ego Rossijskoj derzhave po sii vremena (*The description of the Siberian kingdom and everything that in it came from conquest by its Russian power so far*). St. Petersburg: Imperial Academy of Science publ., 1750. Vol. 1. 507 p. (In Russian)
15. Miller G. F. Opyt novejshej istorii Rossii (*Essay of the contemporary history of Russia*) // Miller G. F. Izbrannyye trudy. Moscow: Yanus-K, 2007. P. 158–209. (In Russian)
16. Moiseeva G. N. «Opyt povestvovaniya o Rossii» I. P. Elagina v ocenke N. M. Karamzina (*"Essay of the narration about Russia" by I. P. Elagin in N. M. Karamzin's assessment*) // XVIII vek. Leningrad: Nauka publ., 1989. Vol. 16. P. 104–109. (In Russian)
17. Monten' M. Opyty (*Essays*): in 3 vol. Moscow; Leningrad: SA USSR, 1954–1960. (In Russian)
18. Novikov N. [I.]. Opyt istoricheskogo slovarya o rossijskikh pisatelyah. Iz raznyh pechatnyh i rukopisnyh knig, soobshchennyh izvestij, i slovesnyh predanij (*Essay of the historical dictionary about the Russian writers. From different printing and hand-written books, the reported news, and verbal legends*). St. Petersburg: N. Novikov's printing house, 1772. 276 p. (In Russian)
19. Peshtich S. L. Russkaya istoriografiya XVIII v. (*Russian historiography of the 18th century*): in 3 vol. Leningrad: LSU publ., 1961–1971. (In Russian)
20. Otdel rukopisej. Rossijskaya nacional'naya biblioteka (*Department of manuscripts. National Library of Russia*). F. IV-34/1-6. (In Russian)
21. Rubinshtejn N. L. Russkaya istoriografiya (*Russian historiography*). Moscow: OGIz, 1941. 647 p. (In Russian)
22. Ruskaya letopis' po Nikonovu spisku izdannaya smotreniem Imperatorskoj Akademii Nauk (*The Russian chronicle across Nikonov to the list published by Imperial Academy of Sciences*): in 8 vol. St. Petersburg: Imperial Academy of Science publ., 1767–1792. (In Russian)
23. Rychkov P. [I.]. Opyt Kazanskoj istorii drevnih i srednih vremen (*Essay of the Kazan history of the most Ancient time and Middle Ages*). St. Petersburg: Imperial Academy of Science publ., 1767. 247 p. (In Russian)
24. [Sokovkin S. P.] Opyt istoricheskogo slovarya vsekh v istinnoj pravoslavnoj greko-rossijskoj vere svyatoj neporochnoyu zhizn'yu proslavivshihsvyatykh muzhah (*The essay of the historical dictionary of all in true orthodox Greek-Russian belief sacred men*). Moscow: I. Lopuhin's printing house, 1784. 276 p. (In Russian)
25. Tatischev V. [N.] Istoriya Rossijskaya s samikh drevnejshih vremen (*Russian History since the most ancient times*): in 4 vol. Moscow: Moscow Univesity publ., 1768–1784.
26. Shcherbatov M. [M.] Istoriya rossijskaya s drevnejshih vremen (*The history of Russia since the most ancient times*): in VII Vols. [15 vol.]. St. Petersburg: Imperial Academy of Science publ., 1770–1791. (In Russian)
27. Burke P. History, Myth, and Fiction: Doubts and Debates // The Oxford History of Historical Writing 2012: in 5 vols. Vol.3: 1400–1800 / eds by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. N.Y.: Oxford University Press, 2012. P. 261–281.
28. Drümel J. H. Versuch einer critisch-historischen Ausföhrung, wie die Russen von den Araratensern, als dem ersten Volcke nach der Sündfluth herkommen. Nürnberg, 1744. 32 s.
29. Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. Edinburgh: Printed for A. Millar & T. Caddel, MDCCCLXVII [1767]. 445 p.
30. Jefferson T. Notes on the State of Virginia. London: Burlington-House, Piccadilly, 1787. 395 p.
31. Nolde A. F., von. Notizen zur Kultur – Geschichte der Geburtshölfe im dem Herzogthum Braunschweig. Erfurt: Henningeschen, 1807. 383 s.
32. Voltaire F.-M. A. Essay sur l'histoire générale, et sur les moeurs et l'esprit des Nations, depuis Charlemagne jusqu'à nos jours: 8 vol. Genève: Cramer, 1761–1763.

Сведения об авторе

Маловичко Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории исторического факультета Государственного гуманитарно-технологического университета (Московский государственный областной гуманитарный институт) (Орехово-Зуево), профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета (Москва) / sergei.malovichko@gmail.com

Information about the author

Malovichko Sergei – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of History, State Humanitarian Technological University (Moscow Region State Institute of Humanities), Chair of Theory and History of Humanitarian Knowledge, Russian State University for Humanities (Moscow) / sergei.malovichko@gmail.com